

THE LAND OF STORIES
BEYOND THE KINGDOMS

СТРАНА СКАЗОК

ЗА ГРАНЬЮ
СКАЗКИ

Крис Колфер

Иллюстрации
Брэндона Дормана

*Перевод с английского
Алёны Щербаковой*

Издательство АСТ
Москва

Моим родителям,
всегда любившим и поддерживавшим меня.
Не существует такого пособия по воспитанию
детей, которое могло подготовить к моим
чудачествам. И простите за отметины от ниндзято
на кофейном столике. Ага, их я оставил.

**«Книги — это единственное в своём роде
волшебство, способное перенести
читателя куда угодно».**

Стивен Кинг

Пролог
Другой сын

Копенгаген, Дания, 1845 год

В уютном рабочем кабинете, за удобным письменным столом Ханс Кристиан Андерсен писал сказку.

— На высоком-превысоком дереве, что было выше всех колоколен в округе, маленькая одинокая пташка проснулась в своём гнезде, — прочитал он вслух первое предложение новой истории. Неожиданно тихое поскрипывание пера по бумаге затихло: писатель почесал затылок.

— Так, а почему это птица спала? — спросил он самого себя. — Разве она не должна просыпаться на заре вместе с другими пернатыми? Иначе её сочтут ленивой и недостойной уважения. А я хочу, чтобы читателям она нравилась.

Ханс скомкал пергамент и бросил его на пол в кучу таких же смятых листов с его предыдущими неудачными попытками. Затем писатель взял новое перо, подлиннее и потемнее, надеясь, что оно поможет ему придумать хорошую сказку.

— На высоком-превысоком дереве, что было выше всех колоколен в округе, маленькая одинокая пташка решила свить себе гнездо... — Автор осёкся. — Нет, раз она вьёт гнездо, читатели подумают, что она хочет отложить яйца, а потом решат, что это сказка о незамужней матери. Церковь станет обвинять меня в нечестивых намерениях... в очередной раз.

Ханс снова смял пергамент и швырнул на пол.

— На высоком-превысоком дереве, что было выше всех колоколен в округе, маленькая одинокая пташка искала себе пропитание... — Писатель закрыл глаза и простонал: — Нет, нет, нет! О чём я вообще думаю? Нельзя начинать сказку так. Если я напишу, что дерево было выше всех колоколен, какой-нибудь глупец сочтёт, что я сравниваю дерево с Богом, и тогда меня обвинят в богохульстве.

Автор вздохнул и кинул скомканный лист в кучу на полу. Тяжело, однако, жилось писателям в девятнадцатом веке, да ещё и в таком обществе.

Высокие напольные часы возле стола пробили шесть вечера. Ханс поднялся со стула первый раз за день.

— Думаю, надо прогуляться.

Взяв пальто и цилиндр, Ханс вышел из дома. Прохожие на улице узнавали господина Андерсена: стоило только завидеть его худощавую фигуру и длинный нос, как становилось ясно, что мимо прошёл знаменитый сказочник. Ханс вежливо приподнял шляпу, приветствуя тех, кто глазел на него, разинув рты, и прибавил шагу, пока они не начали ему докучать.

Наконец Ханс дошёл до променада Лангелинии и сел на свою любимую скамейку. Воды Эресунна переливались в неярком предвечернем свете. Писатель глубоко вдохнул солёный морской воздух и впервые за день расслабился. Это было излюбленное место Ханса для отдыха. Когда в голове роились идеи и он не мог сосредоточиться или у него не получалось придумать сюжет, прогулка по променаду всегда помогала освежить мысли.

Здесь, на лоне природы возле воды, он часто находил вдохновение. А порой ему улыбалась удача, и вдохновение находило его само.

— Здравствуйте, мистер Андерсен, — раздался рядом чей-то тихий голос.

Сказочник обернулся и увидел свою старую знакомую. Она носила голубую мантию, сверкавшую, как звёзды в небе, и была дружелюбной и приветливой, но в Дании не знала никого, кроме Ханса.

— Моя дорогая Фея-крёстная, рад вас видеть! — широко улыбнувшись, сказал Ханс.

Фея-крёстная села рядом.

— И я рада. Вас не было дома, поэтому я отправилась сюда. Снова не получается писать?

— Увы, да, — вздохнул Ханс. — Иногда слова льются из меня потоком, словно воды Нила, а потом я вдруг высыхаю, точно Сахара. Боюсь, вы застали меня посреди засухи, однако смею надеяться, что вскоре хлынет дождь.

— Не сомневаюсь, — сказала Фея-крёстная. — Вообще-то, я пришла вас поздравить. До нас дошли слухи, что ваши сказки издали в других странах. Мы с феями этому рады. Вы добились большого успеха, распространяя истории нашего мира. Мы вам очень благодарны.

— Это мне надо вас благодарить, — заметил Ханс. — Когда вы нашли меня в той ужасной школе в Эльсиноре, где я учился в отрочестве, я хотел раз и навсегда покончить с писательством. Но сказки, что вы мне рассказали, вдохновили меня как детей,

для которых они предназначались. Если бы не вы, я бы не стал продолжать писать сказки.

— Вы слишком много ставите нам в заслугу, — возразила Фея-крёстная. — Вы сами смекнули, как переделать наши сказки под ваше время, добавив в них религиозные мотивы. Иначе нынешнее общество их бы не приняло. «Гадкого утёнка», «Снежную королеву», «Русалочку» и другие сказки просто забыли бы, но вы сделали их вечными, на все времена.

— Кстати говоря, а как дела идут в сказочном мире? — спросил Ханс.

— Очень хорошо. Мы вступили в Золотой век. Моя дорогая Золушка вышла замуж за принца Ченса из Прекрасного королевства. Принцесса Спящая Красавица наконец-то пробудилась после страшного сонного проклятия. Белоснежка стала королевой Северного королевства вместо своей злой мачехи. С тех пор как драконов истребили, у нас ещё не было столько поводов для радости.

— Но, позвольте, лет десять назад я интересовался, как там дела, и вы ответили то же самое, — удивлённо проговорил Ханс. — Даже в детстве мне рассказывали такие же сказки. Сказочный мир, должно быть, застыл во времени.

— Если бы, — усмехнулась Фея-крёстная. — Ваш мир движется гораздо быстрее нашего, но я уверена, что однажды время станет течь с одинаковой

скоростью. Уж не знаю, как и почему, но это точно случится.

Ханс и Фея-крёстная наслаждались приятным видом променада и прислушивались к доносившимся отовсюду звукам. Вдоль берега медленно прохаживалась пожилая пара, маленькая собачонка гоняла чаек вдвое больше неё, отец вместе с сыновьями запускал на лужайке неподалёку воздушного змея, а их мать укачивала новорождённую дочь. Мальчики смеялись, а порывистый ветер поднимал змея всё выше и выше.

— Ханс, вы помните, что в детстве приносило вам радость?

Сказочник ответил не задумываясь:

— Прогулки в таких вот местах, как этот променад.

— Почему?

— Потому что здесь в любой миг может случиться что угодно: на поле пройдёт парад, по небу пролетит стая птиц из тропических краёв или король чужедальной страны приплывёт сюда на большом корабле. Мне кажется, любой ребёнок счастлив, когда его воображение пускается в полёт.

— Какая любопытная точка зрения, — заметила Фея-крёстная.

По её опечаленному взгляду Ханс понял, что её что-то гнетёт. И, судя по заданному вопросу, дело было в ребёнке.

— Простите, — проговорил Ханс. — Я давно вас знаю, но никогда не спрашивал, есть ли у вас дети.

— Есть, — кивнула Фея-крёстная. — Два сына. Оба просто вылитый отец, мой покойный муж. Старшего зовут Джон — он очень счастливый ребёнок, любитель приключений. Постоянно заводит новых друзей и познаёт мир во всех его проявлениях. Все его очень любят.

Неожиданно Фея-крёстная замолкла.

— А другой сын? — спросил Ханс.

В один миг Фея-крёстная поникла и опустила взгляд.

— Его зовут Ллойд. Он младше Джона и... сильно от него отличается.

— Ясно, — сказал Ханс. Очевидно, он коснулся больной темы.

— Простите, — вздохнула Фея-крёстная. — Я не могу больше скрывать, как меня это расстраивает. Я всю жизнь помогала людям найти путь к счастью, но, что бы я ни делала, отыскать его для собственного сына не могу.

— Я так понимаю, у него сейчас трудный возраст? — Ханс не хотел совать нос не в своё дело, но он никогда ещё не видел Фею-крёстную такой растерянной.

— Да... Хотя не думаю, что у него это пройдёт.

Заговорив о сыне, Фея-крёстная уже не могла